

ДАНИЭЛА
СТИЛ

ДАНИЭЛА
СТИЛ

Калейдоскоп

Издательство АСТ
Москва

Посвящаю эту книгу трем необыкновенным сестричкам:

Саманте, Виктории и Ванессе, очаровательным маленьким дамам; их милой старшей сестре Беатрисе; их замечательным старшим братьям Тревору, Тодду и Ники и младшему братику Максу. Пусть каждого из вас судьба одарит благополучием, удачей, добрым сердцем, любящими людьми. Будьте всегда сильны духом, счастливы и неразлучны! Пусть каждый поворот калейдоскопа жизни приносит вам радость!

Нам калейдоскоп подарил вас — дражайшие, бесценные создания. А вам он пусть дарит любовь, цветы, улыбки...

Держитесь вместе, милые, поддерживайте друг друга, побольше смейтесь, старайтесь не растерять ту любовь, которую мы вам привили. В знак любви к вам и вашему папе, в знак тех чувств, которые мы питаем друг к другу и к вам...

Момент бытия, мерцающий миг, бриллиант в морских волнах, светящийся живой огонь, драгоценный луч, но вот, вдруг, поворот — и меркнет свет, и целый мир во мрак одет, будто в первый раз, а после — песни, рифмы вновь, опять любовь, опять мерцанье это — лучей рассвета и темноты; и, снова тень на свет сменив, так прихотлив и так неведом каждый шаг надежды в нас, так резко свет сменяет тьма, тоски и радости мерцанье, и вновь назавтра ожиданье превратится вдруг в лихой галоп... лишь незримый поворот руки — и вновь событий искр слепящий сноп... ведь наша жизнь — всегда большой калейдоскоп.

Пер. Т. Лепиловой

Часть I

СОЛАНЖ

Глава 1

24 декабря 1943 года северо-западнее Неаполя шли проливные дожди. Сэм Уокер, съжившись в окопе, зябко кутался в плащ-палатку. До войны он не бывал в Европе. Но участие в военных действиях далеко не лучший способ знакомства с миром — Сэм повидал то, чего никогда не хотел бы видеть.

Он находился по эту сторону океана с ноября 1942 года: сражался в северной Африке, принимал участие в операции «Факел» и считал, что хуже Африки, с ее страшной жарой и ослепляющими песчаными бурями, ничего нет, но теперь понимал, что ошибался. Руки у него так окоченели, что пальцы едва удерживали «бычок» — подарок, полученный на Рождество от друга. О том, чтобы его раскурить, вообще не могло быть и речи.

Ветер с гор пронизывал до костей; это была худшая из зим, так, по крайней мере, считали итальянцы, и Сэм вдруг затосковал по зною пустыни. На Сицилию он прибыл в июле в составе 45-го пехотного полка Пятой армии Кларка, а в октябре участвовал в битве за Неаполь. Потом был бой под Термоли. Последние же два месяца они ползком, по скалам и буеракам, пробирались к Риму, сражаясь с немцами за каждую пядь земли, и каждый пройденный дюйм обильно поливали своей кровью.

— Черт! — выругался Сэм, обнаружив, что промокла последняя спичка, да и «бычок» — единственный рождественский подарок — тоже отсырел.

Сэму было всего двадцать один год; когда японцы атаковали Перл-Харбор, он учился в Гарварде. Гарвард... При мысли об университете он бы рассмеялся, если бы не чувствовал такую смертельную усталость.

Гарвард с его кипящей событиями жизнью, старинным комплексом зданий, заполненный ясными молодыми лицами, излучающими желание когда-нибудь завоевать мир. Если бы он только знал, что его ждет... Теперь трудно поверить, что он когда-то был частью всего этого.

Сэм немало потруился, чтобы поступить в Гарвард. Для него, обычного городского паренька из Сомервилла, поступление в этот престижный университет было мечтой всей жизни.

Сестра над ним смеялась — единственным ее желанием было выйти замуж за кого-нибудь из одноклассников, причем их пригодность к супружеской жизни она нередко проверяла в постели. Эйлен была на три года старше Сэма и, когда он наконец поступил в Гарвард, уже успела выйти замуж и развестись. Родители их погибли в автокатастрофе, когда Сэму было пятнадцать, и мальчику пришлось жить с сестрой и ее восемнадцатилетним мужем.

Но долго он с ними не выдержал; впрочем, юный супруг тоже вскоре оставил Эйлен. С тех пор Сэм ее практически не видел.

Лишь на третий день после призыва он все-таки поехал попрощаться с сестрой. Эйлен работала в баре. Она сильно изменилась, обесцветила волосы, и Сэм едва узнал ее в полумраке. Вначале она смутилась, но в ее взгляде все равно горел тот самый алчный огонек, который Сэм так ненавидел. У Эйлен на уме были толь-

ко кавалеры, и младший брат никогда ее особенно не интересовал.

— Ну что ж, удачи тебе...

Эйлен нервничала — ее ждали клиенты — и не знала, что еще сказать брату. Сэм же не решался поцеловать ее на прощание.

— ...Сообщи, где ты находишься.

— Да, конечно... не беспокойся...

Прощаясь с ней, Сэм снова чувствовал себя двенадцатилетним мальчиком. Ему вспомнилось все, что он не любил в сестре. Впрочем, трудно было бы назвать то, что он в ней любил. Они всегда были очень разными, словно прибыли с разных планет.

Эйлен в детстве изводила брата рассказами о том, что он якобы был усыновлен, и он верил ей, пока в один прекрасный день мать ее не выпорола и с обычной для себя пьяной откровенностью не сообщила Сэму, что все это вранье. Эйлен врала всегда и по любому поводу и при каждом удобном случае сваливала на Сэма вину за свои проделки. Отец, как правило, верил именно ей.

Все его родственники казались Сэму чужими: и могучего сложения отец, всю жизнь проработавший на рыбацкой шхуне, и мать, злоупотреблявшая спиртным, и сестра, каждую ночь пропадавшая на гулянках. Порой, лежа в кровати, он мечтал о жизни в настоящей семье, где регулярно готовится горячая пища, стелют чистые простыни, ездят на пикники, где много детей и собак, а родители часто смеются. Сэм же не мог вспомнить, чтобы его родители когда-нибудь улыбались, смеялись или держались за руки; ему казалось, что они этого вообще никогда не делали.

Втайне он ненавидел их за ту нищенскую жизнь, которую они вели и на которую обрекли и его. Он желал гораздо большего. А они, в свою очередь, ненавидели его

за честолюбие, ум, первые роли в школьных спектаклях и за нежелание жить той жизнью, что устраивала их. Однажды Сэм признался отцу, что хотел бы когда-нибудь поступить в Гарвард; в ответ тот посмотрел на него как на чужака. Таким он, впрочем, и был для них всех.

Наконец мечта Сэма сбылась: его приняли в Гарвард, да еще и дали стипендию — лучший в его жизни подарок... Наступил тот самый волшебный день, ради которого пришлось так много и так долго трудиться. И вдруг через три месяца все это кончилось.

Дождь хлестал по его окоченевшим рукам. Вдруг где-то рядом раздался незнакомый голос. Сэм обернулся.

— Может, огоньку?

Рядом стоял высокий голубоглазый светловолосый солдат. Ручейки дождя стекали по его впалым щекам. Казалось, что все они плакали в эту жуткую погоду.

— Ага, спасибо... — кивнул Сэм, улыбнулся, и на мгновение его глаза вспыхнули прежним светом. Когда-то, целую вечность назад, он был веселым юношей и мечтал стать душой театральной студии Гарварда.

— Рождество что надо, а?

Блондин в ответ тоже улыбнулся. Он выглядел старше Сэма, но и Сэм казался старше своих лет. После северной Африки и итальянской кампании все они чувствовали себя стариками, а некоторые и внешне напоминали стариков.

— Артур Паттерсон, — чинно представился он.

Сэм рассмеялся. В этот момент порыв ветра заставил их обоих прижаться к стене окопа.

— Очаровательная страна Италия, как тебе кажется? Я всегда мечтал здесь побывать. Прекрасные возможности для отдыха!

Сэм огляделся, словно кругом были пляжи с бесчисленными красотками в купальных костюмах.

Паттерсон ухмыльнулся и спросил:

— Ты здесь давно?

— По-моему, добрую тысячу лет. Прошное Рождество я отмечал в северной Африке. Место — лучше не придумаешь. Нас туда пригласил Роммель.

С благодарностью воспользовавшись предложением Паттерсона, Сэм раскурил свой «бычок» и даже успел два раза хорошо затянуться, прежде чем обжег себе пальцы. Он бы поделился со своим новым другом, если бы оставшиеся полдюйма окурка не затушил дождь. Сэм виновато посмотрел на своего благодетеля:

— Кстати, меня зовут Сэм Уокер.

— Откуда ты?

Он хотел сказать «из Гарварда»: просто из тоски по старым временам, — но это прозвучало бы глупо.

— Из Бостона.

— А я из Нью-Йорка...

Как будто теперь это имело какое-то значение. Ничто теперь не имело значения — это лишь названия несуществующих городов. Реальными же были Палермо, Сицилия, Салерно, Неаполь и Рим — их конечная цель, до которой надо еще добраться.

Артур Паттерсон поглядел по сторонам, щурясь от ветра и дождя:

— Перед всей этой заварухой я был юристом.

В любой другой момент Сэма бы это впечатлило, но теперь кто кем был на гражданке значило так же мало, как и то, кто где раньше жил.

— А я хотел стать актером.

Он почти ни с кем не делился своей мечтой, уж во всяком случае не с родителями и не с сестрой. Даже те немногие друзья, кого он посвятил в свои планы, смеялись над ним. Учителя же считали, что при его способностях Сэму следует заниматься чем-то более

стоящим. Никто не понимал, что значила для него актерская игра, что он чувствовал, когда ступал на сцену. Магическое движение души помогало ему перевоплощаться, забыть о ненавистных родителях, нелюбимой сестре и всех своих страхах и сомнениях.

Но, похоже, никто не мог его понять, даже в Гарварде. Выпускники университета не становились актерами — они были врачами, юристами, бизнесменами, президентами корпораций и фондов, послами...

Сэм мысленно рассмеялся. Он теперь тоже был кем-то вроде посла, только с ружьем в руке и постоянно примкнутым штыком, чтобы можно было вспарывать животы врагам. Именно это он не раз и делал на протяжении последнего года.

«Интересно, сколько человек убил Паттерсон?» — подумал он. Но такие вопросы было не принято задавать, надо просто жить со своими мыслями и воспоминаниями об искаженных лицах и вытаращенных глазах в тот момент, когда вытаскиваешь штык и вытираешь его о землю...

Он взглянул на Паттерсона и подумал: удастся ли им дожить до следующего Рождества?

— Почему тебе захотелось стать актером?

— Что?

Сэма удивил интерес во взгляде парня. Они присели на камень, выступавший из грязи. На дне их окопа вода стояла по щиколотку.

— А... ты об этом... Господи, да я не знаю... Мне просто было это интересно.

Но на самом деле все было сложнее, гораздо сложнее. Только на сцене он чувствовал себя человеком, был силен и уверен в себе. Но он не мог этого объяснить Паттерсону. Смешно делиться мечтами, сидя в рождественский сочельник в окопе.

— Я в Принстоне пел в хоре...

Разговор получался абсурдный. Сэм ухмыльнулся:

— Тебе не кажется, что мы психи? Говорим о хоре и театре, о Принстоне, сидя в этом чертовом окопе! Мы же можем не дожидаться до следующей недели, а я рассказываю тебе, что мечтал стать актером...

Ему вдруг захотелось расплакаться. Все это было жутко, но реально, так реально, что можно было попробовать на вкус, потрогать и понюхать. В течение года Сэм чувствовал лишь запах смерти, от которого его уже мутило. Всех их мутило, а генералы тем временем планировали штурм Рима.

Но кого волновал Рим, Неаполь или Палермо? За что они сражались? За свободу Бостона или Сан-Франциско? Там и так была свобода, люди ездили на работу, ходили в кино и на танцы и абсолютно не представляли себе того, что происходило здесь.

Сэм покачал головой и грустно посмотрел на высокого светловолосого ньюйоркца. Ему ужасно захотелось домой... все равно к кому... пусть даже к сестре, которая не написала ни строчки с тех пор, как он отбыл из Бостона. Сэм два раза посылал ей письма, а потом решил, что не стоит понапрасну тратить время.

Мысли о сестре всегда злили его: будучи ребенком, а потом подростком, он чувствовал себя с ней неловко, как, впрочем, и с матерью, и с флегматичным, неразговорчивым отцом. Он всегда был к ним равнодушен. Теперь же, заговорив с незнакомым парнем, который пел в хоре Принстонского университета, он сразу почувствовал к нему симпатию.

— Где ты учился?

Казалось, что Паттерсон отчаянно цепляется за прошлое, за воспоминания, словно надеясь таким образом вернуться туда. Однако Сэм слишком хорошо понимал,

что от действительности, с ее холодным дождем и грязью окопа, никуда не деться. Он криво усмехнулся, мечтая о сигарете — настоящей, а не каком-то полудюймовом «бычке», и ответил:

— В Гарварде.

Там были настоящие сигареты, когда захочешь — «Лаки страйк»! Воспоминание об этом ничуть не улучшило его настроения.

Паттерсон удивился:

— И ты собирался стать актером?

Сэм пожал плечами:

— Вообще-то я учился на филологическом, по специальности «английская литература». И стал бы, наверное, школьным учителем и от силы руководителем драмкружка для сопляков.

— Ну, это не так плохо. Я посещал школу Святого Павла, у нас там была отличная театральная студия.

Сэм в изумлении уставился на него... Принстон, школа Святого Павла... Что тут делает этот парень? Что все они тут делают?.. Почему здесь бессмысленно гибнут хорошие американские ребята?

— Ты женат? — вдруг полюбопытствовал Сэм. Он и его собеседник явно были разными людьми, но в то же время у них было кое-что общее.

Артур покачал головой:

— Я был слишком занят карьерой — работал в юридической фирме в Нью-Йорке. Поступил туда, а через восемь месяцев меня призвали.

Ему было двадцать семь лет, и глаза у него были серьезные и печальные, у Сэма же — еще светились в них мальчишеское озорство. Черноволосый невысокий широкоплечий Сэм, казалось, обладал энергией, которой не хватало Артуру. Тот вообще был более сдер-

жан, осторожен, спокоен, что, возможно, объяснялось и его возрастом.

— У меня сестра живет в Бостоне, если ее еще не укокошил в баре какой-нибудь парень...

Им казалось важным поделиться чем-то личным, словно другой возможности могло не представиться, хотелось подружиться, оставить о себе память на случай, если придется погибнуть.

— ...Мы с ней никогда не ладили. Я перед отправкой зашел к ней попрощаться, а она так мне ни разу и не написала. А у тебя как? Сестры, братья есть?

Артур впервые за все время улыбнулся:

— Я единственный ребенок, и мои родители были единственными детьми в своих семьях. Отец умер, когда я учился в университете, мама так больше и не вышла замуж. Судя по письмам, ей сейчас очень тяжело.

— Я думаю...

Сэм кивнул, пытаясь представить себе, как выглядит мать Артура: высокая худощавая седая женщина родом, возможно, из Новой Англии.

— А мои родители погибли в автокатастрофе, когда мне было пятнадцать...

Он не сказал Артуру, что не особенно горевал об их потере, что не любил их, а они никогда его не понимали. Это было бы слишком сентиментально, да и не имело теперь значения.

— Ты что-нибудь слышал о том, куда мы отсюда двинемся?..

Пора опять думать о войне, не имело смысла долго задерживаться в прошлом. Действительность была здесь, северо-восточнее Неаполя.

— Я вчера что-то слышал о Кассино, это где-то в горах. Весело будет туда добираться: вместо дождя получим снег.